

Лебедев А. П. Сущность христианства по изображению церковного историка Адольфа Гарнака: Из университетских лекций по истории Церкви // Богословский вестник 1901. Т. 3. № 10. С. 305–330 (2-я пагин.). (Начало.)



„Сущность Христианства“, по изображенію церковнаго историка Адольфа Гарнака.

(Изъ университетскихъ лекцій по Исторіи Церкви).

На первыхъ порахъ мнѣ хотѣлось бы фактически ознакомить васъ, Мм. Гг., съ тѣмъ, на какой степени развитія стоитъ современная церковно-историческая наука, какими стремленіями живетъ она и куда направляется.

Съ этою цѣлію я рѣшился познакомить васъ съ однимъ сочиненіемъ, явившемся въ прошедшемъ 1900 году и принадлежащемъ перу знаменитаго Берлинскаго профессора А. Гарнака. Быть можетъ имя это вамъ и неизвѣстно, но несомнѣнно Гарнакъ—корифей въ нѣмецкой церковной историографіи, а сочиненія его составляютъ предметъ ревностнаго изученія для всѣхъ, кто интересуется этою наукой, къ какой бы націи они не принадлежали. Сочиненіе, о которомъ я говорю, носитъ заглавіе: *Das Wesen des Christenthums*—сущность христианства. Но это заглавіе нѣсколько не точно; книга не заключаетъ въ себѣ раскрытія христианства, какъ религиозной доктрины. Нѣтъ, это краткая идейная исторія христианства отъ эпохи Основателя его до нашего времени. То, что составило содержаніе этого сочиненія, въ началѣ изложено было Гарнакомъ въ формѣ лекцій въ Берлинскомъ университетѣ, зимою 1900 года. Успѣхъ лекцій былъ поразителенъ: на нихъ собирались студенты съ разныхъ факультетовъ въ громадномъ количествѣ, по словамъ предисловія къ книгѣ, оно достигало цифры 600-тъ. 600—слушателей на богословскихъ лекціяхъ (а этихъ лекцій было 16), въ закрытомъ для публики учебномъ заведеніи—что нибудь да зна-

читать? Во всякомъ случаѣ, это не значить того, что слушатели заинтересовались и увлечены были либерализмомъ профессора (а лекціи его несомнѣнно либеральны), потому что либерализмъ въ области протестантскаго богословія ни для кого не представляетъ новости въ Германіи.

Но что же придавало такой интересъ лекціямъ Берлинскаго профессора? А вотъ посмотримъ. Посмотримъ впрочемъ не за тѣмъ, чтобы придти въ восторгъ отъ глубины его идей и не затѣмъ, чтобы сожалѣть, что мы не имѣемъ столь же смѣлыхъ и рѣшительныхъ учителей.

Свою книгу Гарнакъ начинаетъ такими словами: „великій философъ позитивизма Дж. Стюартъ Милль однажды сказалъ: человѣчество не очень-то часто вспоминаетъ о томъ, что нѣкогда былъ человѣкъ по имени Сократъ. И это правда. Но еще важнѣе, чтобы человѣчество всегда снова и снова приводило себя на память, что въ средѣ его въ отдаленныя времена находился человѣкъ, по имени І. Христосъ“.

Уже эти первыя слова книги и въ особенности названіе Христа „человѣкомъ“ безъ всякихъ другихъ эпитетовъ и предикатовъ показываютъ, на какой исторической точкѣ зрѣнія стоитъ нѣмецкій церковный историкъ. Дальше еще яснѣе обозначится эта точка зрѣнія.

Нѣмецкій ученый начинаетъ изложеніе исторіи съ описанія личности Иисуса (котораго онъ вездѣ далѣе, когда онъ говоритъ отъ себя,—величаетъ просто Иисусомъ) и Его дѣла, и конечно не могъ обойти вопроса объ источникахъ нашихъ свѣдѣній объ Основателѣ христіанства. Онъ говоритъ: источниками для ознакомленія съ Иисусомъ, если исключить немногія извѣстія у ап. Павла, служатъ три первыя евангелія. Все же остальное, что мы знаемъ касательно исторіи и проповѣди Иисуса, независимо отъ этихъ евангелій, удобно можно написать на одной страничкѣ, — такъ малъ объемъ его содержанія. А въ особенности 4-ое евангеліе, которое не произошло и не могло произойти отъ апостола Іоанна, не можетъ быть употребляемо въ дѣло, въ качествѣ историческаго источника въ точномъ (?) смыслѣ этого слова. Авторъ этого евангелія распоряжался съ неограниченной свободой, перекраивалъ событія и освѣщалъ ихъ чуждымъ для нихъ свѣтомъ, самъ по своему вкусу компановалъ рѣчи Иисуса (и другихъ лицъ), а возвышенныя идеи иллюстриро-

валъ выдуманнми ситуаціями. Поэтому, 4-ое евангеліе, хотя въ основу его и положено дѣйствительное преданіе, но преданіе съ трудомъ уясняемое, не можетъ быть источникомъ для исторіи Іисуса; только развѣ немного, и то съ большою осторожностію, можно взять отсюда для указанной дѣли.

Впрочемъ оказывается и первыми 3-мя евангеліями Гарнакъ не совсѣмъ доволенъ, а потому съ чувствомъ неудовольствія пишетъ: если примѣнимъ къ нимъ масштабъ *гармоніи, вдохновенія и полноты* (т. е. если посмотримъ на нихъ съ общепринятой церковной точки зрѣнія), то найдемъ, что по отношенію къ этимъ сочиненіямъ остается очень многого желать, а если же приложимъ къ нимъ обычный человѣческій масштабъ, то обсудивъ ихъ откроемъ, что эти произведенія страдаютъ немалыми несовершенствами. Правда въ нихъ мы не найдемъ грубыхъ прибавокъ изъ болѣе поздняго времени, но однакожь тамъ или здѣсь въ нихъ отпечатлѣваются и отражаются отношенія христіанской общины (церкви) позднѣйшаго времени, а также свѣдѣнія, которыми она обогатилась изъ того же времени. Далѣе, увѣренность, что въ жизни Іисуса осуществились ветхозавѣтныя предсказанія, затемнила въ нихъ первоначальное преданіе о Іисусѣ. Наконецъ чудесный элементъ въ нѣкоторыхъ разсказахъ явно преувеличенъ. И тѣмъ не менѣе никакъ нельзя утверждать, что въ евангеліяхъ очень много мнѣческаго. Этого рода элементъ можно отыскивать только развѣ въ исторіи дѣтства Іисуса, да и то его надлежитъ указывать не щедрой рукой.

Но какъ смотрѣтъ на чудесное въ евангеліяхъ, на эти разсказы въ нихъ о чудесахъ! восклицаетъ Гар-къ. Страуссъ (извѣстный нѣмецкій богословъ-скептикъ и знаменитый критикъ евангельскихъ сказаній), Страуссъ, а также многіе другіе настолько пугались факта евангельскихъ чудесъ, что изъ-за нихъ прямехонько отвергали достовѣрность евангелій. Но Гарнакъ находить, что такъ поступать не слѣдуетъ; и чтобы ориентироваться въ вопросѣ, считаетъ нужнымъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Прежде всего, говоритъ онъ, мы должны знать, что евангельскія книги произошли въ такое время, въ которомъ чудеса можно сказать были чѣмъ-то почти обыденнымъ. Чувствовали и видѣли себя тогда

окруженными отъ чудесъ,—и это отнюдь не въ сферѣ только религіи. Въ настоящее время мы привыкли вопросъ о чудѣ поставять въ связь съ вопросомъ о религіи. Не такъ было въ то время. Источники, откуда происходило чудесное, были тогда многочисленны. Далѣе. Точнаго понятія, какое мы теперь соединяемъ со словомъ „чудо“, тогда еще не знали. Въ то время не было установлено вѣрнаго взгляда на то, что возможно и невозможно, что было правиломъ или составляло исключеніе. Гдѣ даже вообще и не поставлялось такого вопроса, тамъ не было никакихъ чудесъ въ строгомъ смыслѣ слова. Нарушеніе законовъ природы не могло существовать для тѣхъ, кто не зналъ, что такое натуральный процессъ. Такимъ образомъ чудеса для того времени не имѣли того значенія, какое они имѣли-бы для насъ, если бы они встрѣчались (?). Для людей того времени чудесами были всякія необычайныя явленія. Наконецъ, конечно законы природы неизмѣняемы, но силъ природы и ихъ взаимоотношенія даже и мы еще далеко не знаемъ. Силы матеріальныя мы знаемъ далеко не вполне; еще менѣе мы изучили психическія свойства. Мы наблюдаемъ, что твердая воля и крѣпкая увѣренность оказываютъ вліяніе на живой организмъ и вызываютъ явленія, которыя и кажутся намъ чудесами. Но кто даже и теперь точно разграничилъ области возможнаго и невозможнаго? Никто. Съ полною увѣренностію можно сказать только, что чудесъ не существуетъ, но однакожъ довольно еще остается чудеснаго и необъяснимаго. Поэтому мы должны съ осторожностію и сдержанно относиться къ рассказамъ о чудесахъ въ древнее время. Что земной шаръ остановился въ своемъ движеніи, что ослица заговорила человѣческимъ голосомъ, что словомъ остановлена была буря на морѣ (на озерѣ) — всему этому, рассуждаетъ нѣмецкій теологъ, мы не вѣримъ и никогда не повѣримъ; но что хромые начинали ходить, слѣпые видѣть, а глухіе слышать, мы не будемъ необинуясь отвергать и считать за иллюзію.—Отсюда видно, что Гарнакъ признаетъ дѣйствительными только такія чудеса евангельскія, какія могутъ быть совершены и въ наше время, при помощи внушенія или гипноза. Вообще онъ находитъ, что рассказы о чудесахъ не составляютъ существеннаго элемента въ евангеліяхъ. Достойно замѣчанія, говоритъ онъ, что и самъ Іисусъ

не придавалъ своимъ чудесамъ такого рѣшительнаго значенія, какое сталъ придавать имъ евангелистъ Маркъ, а за нимъ и всѣ. Иисусъ голосомъ сожалѣнія восклицалъ: „если бы вы не видѣли знаменій и чудесъ, то не повѣровали бы мнѣ“¹⁾.

Затѣмъ Гарнакъ обращается къ описанію личности Господа І. Христа и его дѣла. Наши евангелія, какъ извѣстно, говорятъ онъ, не рассказываютъ намъ исторіи развитія Иисуса; они повѣствуютъ лишь о Его открытой дѣятельности. Правда въ двухъ евангеліяхъ сообщаются свѣдѣнія о рожденіи Его, но мы оставимъ ихъ въ сторонѣ. Для нашей цѣли они остаются безъ значенія. Сами евангелисты въ своихъ рассказахъ не возвращаются къ этимъ свѣдѣніямъ и не указываютъ, чтобы Иисусъ такъ или иначе упоминалъ о событіяхъ, относящихся къ Его рожденію. Напротивъ, тѣже евангелисты сообщаютъ, что мать и братья Его совершенно изумлены были Его выступленіемъ на общественную дѣятельность и не могли понять этого. Также ап. Павелъ молчитъ о разсматриваемыхъ нами событіяхъ, такъ что можно считать за вѣрное, что древнѣйшее преданіе не знало исторіи рождества Иисуса. — Нужно ли намъ разъяснять, что все это говорится Гарнакомъ, чтобы дать знать своимъ слушателямъ и читателямъ, что рассказъ евангелистовъ о рождествѣ І. Христа лишенъ вѣроятія. — Мы вообще ничего не знаемъ, продолжаетъ нѣмецкій ученый, изъ тридцатилѣтняго періода жизни Иисуса до вступленія Его на общественное служеніе. Мы лишены возможности составить то, что называется біографіей. Мы имѣемъ свѣдѣнія, относящіяся къ одному или двумъ годамъ Его жизни и дѣятельности.

Тѣмъ не менѣе мы можемъ составлять себѣ понятіе о томъ, чего хотѣлъ достигъ Иисусъ, какъ Онъ дѣйствовалъ и какое значеніе имѣетъ Онъ для насъ.

Мы не знаемъ ничего о первыхъ 30-ти годахъ жизни Иисуса, а самъ Онъ, какъ видно изъ евангелій, не почиталъ нужнымъ сообщить что-либо объ этомъ своимъ ученикамъ.

¹⁾ Нужно знать, что въ книгѣ Гарнака не находится точныхъ цитатъ, и вообще нѣтъ никакихъ, привятыхъ въ ученыхъ сочиненіяхъ, ссылокъ на источники.

Однакожь мы не лишены нѣкоторой возможности сообщить нѣчто объ этой порѣ жизни Его, хотя бы въ смыслѣ отрицательномъ. Во 1-хъ, очень невѣроятно, чтобы Онъ прошелъ черезъ школу раввиновъ; ни при одномъ случаѣ Онъ не выражается такъ, какъ сталъ бы выражаться тотъ, кто получилъ техникотеологическое образованіе и воспринялъ искусство ученаго экзегеса. Какъ ясно это наприм. замѣтно въ посланіяхъ ап. Павла, слушавшаго уроки іудейскихъ теологическихъ учителей! Ничего такого не находимъ у Іисуса. Онъ жилъ священнымъ Писаніемъ, оно было Его движителемъ, но Онъ не былъ профессиональнымъ раввиномъ.

Есть мнѣніе, что Іисусъ принадлежалъ къ одной іудейской сектѣ—Ессеевъ и отъ нихъ заимствовалъ свое ученіе. Но Гарнакъ отвергаетъ эту гипотезу. Ессеи были большіе формалисты, законную чистоту простирали до послѣдней степени, притомъ они были приверженцами аскетическихъ воззрѣній; но ни того, ни другого мы не найдемъ ни въ жизни, ни въ ученіи Іисуса. Ессеи вообще отличались узкимъ кругозоромъ.

Еще. Въ образѣ жизни и въ рѣчахъ Іисуса нельзя отыскать никакого отношенія къ эллинизму. Почти удивляться нужно этому, замѣчаетъ Гарнакъ. Ибо Галилея, мѣсто жизни и дѣятельности Іисуса, была наводнена Греками, здѣсь говорили тогда по-гречески во многихъ городахъ, какъ теперъ по-шведски въ Финляндіи. Здѣсь находились въ то время греческіе учителя и философы, и едвали можно допускать, что Іисусъ оставался незнакомъ съ ихъ языкомъ. И тѣмъ не менѣе о какомъ либо вліяніи на Него идей Платона и стоицизма, хотябы въ какой либо популярной переработкѣ—и рѣчи быть не можетъ.

Обращаясь къ изложенію проповѣди или ученія Іис. Христа, Гарнакъ заявляетъ, что напрасно мы стали бы искать что-либо очень новаго въ этомъ отношеніи. Онъ соглашается съ тѣми изслѣдователями (напр. Велльгаузеномъ), которые говорятъ: „что благовѣствовалъ Іисусъ; что возвѣщаль Іоаннъ раньше Его въ своей проповѣди покаянія—все это находимъ у ветхозавѣтныхъ пророковъ, это даже можно открыть въ іудейскомъ преданіи временъ Іисуса. Сами фарисеи учили собственно тому же, но къ сожалѣнію рядомъ съ этимъ они имѣли много такого, что затемняло

это, извращало и лишало его силы. Фарисеи требовали еще тысячи вещей, которыя они считали за религію и которыя имъ казались столь-же важными, какъ милосердіе и справедливость. Все стояло у нихъ, фарисеевъ, на одной линіи, доброе и святое составляло лишь узоръ на широкой чувственной ткани, все переплелось между собой. Но спрашивается: что же было новаго въ проповѣди Иисуса? Въ монотеистической религіи, отвѣчаетъ Гарнакъ, нѣтъ мѣста для такого вопроса. Иисусъ, съ точки зрѣнія этого ученаго, не проповѣдывалъ ничего особенно новаго. Но за то Онъ возвѣщалъ ученіе *съ силою*, не какъ книжники и фарисеи,—такое было впечатлѣніе, какое получали отъ Его личности и проповѣди Его ученики. Его слова были для нихъ „словами жизни“, сѣменами, которыя взошли и принесли плодъ—вотъ что было новаго, утверждаетъ Гарнакъ. Этотъ ученый старается показать, въ какихъ отношеніяхъ учительство Иисуса отличалось отъ учительства профессиональныхъ учителей іудейскихъ того времени, книжниковъ и фарисеевъ, а потому говоритъ: они представляли себѣ Бога какимъ-то депотомъ, наблюдавшимъ за цереміаломъ служенія Ему, а Иисусъ такъ сказать дышалъ въ присутствіи Божества. Они созерцали Его только въ Его законѣ, который ими превращенъ былъ въ лабиринтъ запутанныхъ дорогъ и тайныхъ выходовъ, а Иисусъ видѣлъ и чувствовалъ Бога повсюду. Они владѣли тысячею заповѣдей отъ имени Бога и были увѣрены потому, что будто знаютъ Его, а Иисусъ имѣлъ только одну заповѣдь отъ Бога (замѣчу отъ себя, для меня не ясно о какой-такой заповѣди говоритъ здѣсь Гарнакъ), и однакожь Иисусъ зналъ Его, т. е. Бога. Они сдѣлали изъ религіи дѣло земное (нѣтъ, ничего болѣе ужаснаго, добавляетъ Гарнакъ), а Онъ возвѣщалъ живаго Бога и достоинство нашей души. Величіе и сила проповѣди Иисуса заключались въ томъ, что она была такъ проста и въ тоже время такъ богата; она была такъ проста, что исчерпывалась каждой главной мыслию, какую Онъ выражалъ, но она, проповѣдь, была и такъ богата, что каждая изъ этихъ мыслей является неисчерпаемой — и мы не въ состояніи когда бы то ни было усвоить содержаніе Его изреченій и Его притчей.

Вотъ въ какомъ видѣ Гарнакъ изображаетъ намъ Спасителя (котораго онъ впрочемъ никогда не называетъ этимъ

именемъ), Спасителя въ отличіе отъ другихъ іудейскихъ учителей Его времени. Старанія его въ этомъ случаѣ очень энергичны. Но къ сожалѣнію, мы напрасно стали бы увѣрять себя, что мы теперь понимаемъ—въ чемъ заключается идеальная высота личности Основателя христіанства. Громкія фразы не въ состояніи уяснить намъ значеніе Того, Кто открывалъ собою новую эпоху въ исторіи человѣчества.

Еще менѣе опредѣленности найдемъ, когда ознакомимся съ характеристикой ученія І. Христа, какую находимъ у Гарнака. Въ чемъ же заключалось оно? Оно, по увѣренію этого изслѣдователя, не ново, и дѣйствительно оно выходитъ у Гарнака настолько не новымъ, что можно только удивляться, какимъ образомъ такое ученіе побѣдило міръ. Ученіе І. Христа онъ сводитъ къ тремъ основнымъ пунктамъ: 1) царство Божіе и его пришествіе, 2) Богъ есть Отецъ, а человѣческая душа имѣетъ безконечную цѣнность, 3) высшая (лучшая) справедливость и заповѣдь о любви.

Вотъ разъясненія, какія даетъ Гарнакъ относительно этихъ пунктовъ. Разъясненія эти не представляютъ ничего оригинальнаго для личности Основателя христіанства, а иногда даже прямо оскорбительны для Него.

Проповѣдь Иисуса о царствѣ Божіемъ, говоритъ Гарнакъ, заключаетъ въ себѣ предсказанія ветхозавѣтныхъ пророковъ о будущемъ видимомъ Божіемъ владычествѣ на землѣ съ одной стороны, и представленія о внутреннемъ пришествіи царства Божія, открывающагося съ времени посланничества Иисуса.

Эта проповѣдь обхватывала оба эти полюса, между которыми находится много ступеней и нюансовъ (т. е. противорѣчій, хочетъ сказать нѣмецкій ученый). На одномъ полюсѣ царство Божіе является, какъ чисто будущее, и самое царство это представляется, какъ вѣдшее владычество Божіе, а на другомъ полюсѣ оно является, какъ нѣчто внутреннее и оно уже наступило, уже открылось въ настоящее время.

Гарнакъ чувствуетъ, что такое разъясненіе не удовлетворяетъ читателя, что его смущаетъ противорѣчивость и неустойчивость воззрѣній І. Христа на царство Божіе. А потому онъ считаетъ нужнымъ сдѣлать такого рода успокоительное замѣчаніе. „Я думаю, по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій найдено будетъ много противорѣчиваго въ тѣхъ

идеяхъ, которыми мы живемъ, и станутъ удивляться тому, что такое положеніе вещей насъ не обезпокоивало“. При этомъ случаѣ Гарнакъ выражаетъ сантиментальную мысль, что наши будущіе судьи будутъ къ намъ снисходительны. Какое отношеніе имѣетъ это къ занимающему насъ вопросу-судите сами.

Говоря о томъ, въ чемъ состояло ученіе Христа о царствѣ Божіемъ, Гарнакъ между прочимъ замѣчаетъ: „не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что представленіе о двухъ царствахъ, царствахъ Бога и діавола, о ихъ взаимной борьбѣ и о будущей послѣдней борьбѣ, въ которой діаволъ будетъ пораженъ и на землѣ, какъ ранѣе онъ былъ низверженъ съ неба, это представленіе Иисусъ просто раздѣлялъ вмѣстѣ съ своими современниками“. Другими словами: Иисусъ Христосъ въ указанномъ отношеніи такъ же заблуждался, какъ и Его современники. Очевидно, біографъ Основателя христіанства не считаетъ нужнымъ много церемониться съ изображаемымъ имъ лицомъ.

Что касается другаго пункта ученія Христова, именно провозглашенія имъ высшей (bessere) справедливости, то сущность разъясненія Гарнакомъ этого пункта сводится у него къ тому, что Иисусъ, по выраженію этого ученаго, „сильнымъ ударомъ порвалъ связь этики (т. е. нравственнаго ученія) со внѣшнимъ культомъ и технико-религіозными обрядами“. Но вѣдь это же, замѣтимъ, раньше дѣлали всѣ пророки и въ особенности Исаія.

Въ такихъ то чертахъ Гарнакъ излагаетъ ученіе Христа. Ясно, онъ отвергаетъ мысль, что Христосъ возвѣщалъ новыя религіозныя истины; по мнѣнію нѣмецкаго ученаго, въ ученіи Христа не находилось ничего догматическаго. При другомъ случаѣ, это мнѣніе Гарнакъ выражаетъ прямо и рѣшительно. Онъ говоритъ: „Евангеліе не есть какое-либо теоретическое ученіе. Иисусъ имѣлъ своимъ назначеніемъ возвѣстити волю Божію о томъ, что Богъ есть нашъ отецъ и раздаятель милости (Vergelter). И никакому другому „исповѣданію“ Иисусъ не училъ, заявляетъ Гарнакъ. Если же Иисусъ говорилъ: „кто Меня исповѣдуетъ предъ людьми, того Я буду исповѣдовать предъ небеснымъ Моимъ Отцемъ“, то здѣсь рѣчь идетъ о послѣдованіи, о томъ исповѣданіи, которое выражается въ расположеніи и дѣятельности. Кто

же представляетъ себѣ дѣло такъ, утверждаетъ Гарнакъ, что будто евангеліе требуетъ какого-то единственно правильнаго исповѣданія Христа, тотъ допускаетъ извращеніе истины. О Христѣ мы только тогда мыслимъ и учимъ „правильно“, когда начинаемъ жить сообразно съ евангеліемъ. И какъ въ евангеліи нѣтъ никакого сложнаго религіознаго ученія, такъ еще менѣе въ немъ же можно находить указаніе, что первѣе всего нужно принимать и исповѣдывать какое-то готовое ученіе. Вѣра и исповѣданіе христіанское появляются въ насъ съ того момента, когда мы отвращаемся отъ міра и обращаемся къ Богу, а самое исповѣданіе есть ничто иное, какъ дѣятельное обнаруженіе вѣры“.

Итакъ, съ точки зрѣнія Гарнака Христось не оставилъ намъ никакой догматики.

Говоря о личности І. Христа, Гарнакъ ни какъ не могъ избѣжать не совсѣмъ пріятнаго для него вопроса: кто же такой былъ Иисусъ Христось, за кого Онъ Самъ себя считалъ и выдавалъ?

Встрѣтившись съ этимъ вопросомъ, нѣмецкій ученый прежде всего предается ламентациямъ, по правдѣ сказать, совершенно неумѣстнымъ, по тому поводу, что христологическій вопросъ былъ источникомъ многихъ бѣдствій въ исторіи, что изъ-за него люди подвергались осужденію, заключались въ оковы, и даже умерщвлялись. Да и теперь еще, по нему, не совсѣмъ исчезъ фанатизмъ, возбуждаемый этимъ вопросомъ. Можно подумать, что данный вопросъ очень труденъ для рѣшенія, говоритъ Гарнакъ, но на самомъ дѣлѣ при безпристрастномъ взглядѣ на евангеліе онъ не представляетъ ничего труднаго. И мы сейчасъ увидимъ, что нѣмецкій ученый дѣлаетъ это очень легко.

Итакъ: за кого Христось считалъ себя? Мы говоримъ не о томъ, предупреждаетъ Гарнакъ, за кого Его почитали Его ученики, какъ они вѣровали въ Него и какъ судили о Немъ, но о томъ, какъ Онъ самъ свидѣтельствовалъ о Себѣ.

Прежде чѣмъ подвергнуть изслѣдованію самосвидѣтельство Иисуса, мы—слова Гарнака—должны обратить вниманіе на слѣдующее: во 1-хъ, Онъ не требовалъ никакой другой вѣры въ Себя и никакой другой привязанности къ Его личности, кромѣ той вѣры и привязанности, которая обнаруживались въ соблюденіи Его заповѣдей. Даже въ 4-мъ

евангеліи, въ которомъ заключается такъ много чуждаго первоевангелію, эта мысль выражается еще сильно въ словахъ: „если любите Меня, то заповѣди Мои соблюдете“. Во время своей дѣятельности Онъ уже замѣчалъ такихъ, которые чтили Его и выражали Ему преданность, но которые не заботились слѣдовать Его проповѣди. Къ нимъ Онъ обращался съ суровыми словами: „не всякій, говорящій Мнѣ: Господи, Господи, войдетъ въ царство небесное, а только тотъ, кто исполняетъ волю Отца Моего“. Слѣдовательно, замѣчаетъ Гарнакъ, Иисусъ не имѣлъ въ намѣреніи дать ученіе относительно Своего лица и Своего достоинства, ограничиваясь прямымъ дѣломъ — возвѣщенія евангелія. Во 2-хъ, Владыку неба и земли, Онъ называлъ своимъ Богомъ и Отцемъ, признавалъ Его бѣльшимъ Себя и единственно благимъ.

Къ какой цѣли направляются приведенныя разъясненія Гарнака, едвали нужно раскрывать. Ими онъ даетъ понять, чтобы воздерживались отъ иллюзій при сужденіи о личности І. Христа.

Положительнаго эти разъясненія, замѣчаетъ Гарнакъ, еще ничего не даютъ. Поэтому, мы, продолжаетъ онъ, ближе рассмотримъ два наименованія, какіе прилагаетъ къ себѣ Иисусъ, именно: *Сынъ Божій* и *Мессія*. Что значитъ выраженіе: Сынъ Божій? Въ одной изъ своихъ рѣчей Иисусъ въ особенности ясно показываетъ, почему и въ какомъ смыслѣ Онъ именуется себя „Сыномъ Божіимъ“? Въ евангеліи Матвея находимъ такія Его слова: „Никто не знаетъ Сына, кромѣ Отца, и никто не знаетъ Отца, кромѣ Сына и того, кому Сынъ восхощетъ открыть Его“. Отсюда видно, что Богопознаніе и есть Богосыновство. Черезъ это богопознаніе Иисусъ научился понимать святое Существо, царствующее на небѣ и на землѣ, какъ Отца, какъ *Своего* Отца. Сознаніе Иисуса, что Онъ Сынъ Божій, поэтому есть ничто иное, какъ практическое слѣдствіе познанія Бога, какъ Отца и Отца своего. Правильно понятое выраженіе: богопознаніе обнимаетъ все содержаніе Богосыновства. Но къ этому нужно прибавить еще слѣдующее: Иисусъ былъ увѣренъ, что Онъ знаетъ Бога такъ, какъ никто до Него, и что Онъ призванъ сообщить это познаніе Бога всѣмъ другимъ, посредствомъ слова и посредствомъ дѣла. Во имя этой обязанности Онъ считалъ

себя призваннымъ и отъ Бога положеннымъ Сыномъ, а потому Онъ могъ говорить: „Мой Богъ и Мой Отецъ“. Но какимъ образомъ Иисусъ пришелъ къ этого рода самосознанію—это остается тайной и никакая психологія не можетъ разъяснить ее. При этомъ Гарнакъ пользуется случаемъ заявить: во 1-хъ то, что будто во Иисусѣ совсѣмъ не было той увѣренности, съ какой евангелистъ Іоаннъ заставляеть Его сказать Отцу небесному: „Ты возлюбилъ меня прежде сложенія (или сотворенія) міра“. Т. е., хочеть сказать Гарнакъ, эти евангельскія слова—просто ложь. Во 2-хъ, этотъ же ученый обращаетъ вниманіе на то, что въ Евангеліи нигдѣ Иисусъ не говоритъ о себѣ: „Я—Сынъ Божій“, и потому всякій, кто это изреченіе ставить наравнѣ съ другими евангельскими изреченіями—позволяетъ себѣ дополнять Евангеліе.

Затѣмъ Гарнакъ обращается къ разсмотрѣнію другаго наименованія, которое І. Христосъ позволяеть прилагать къ себѣ—это Мессія. Этотъ ученый спрашиваетъ себя: считалъ ли себя Иисусъ Мессіей? И отвѣчаетъ, что хотя нѣкоторые знаменитые ученые и сомнѣваются въ этомъ, но что самъ онъ остается въ увѣренности, что Иисусъ считалъ и объявлялъ себя Мессіею. Въ доказательство онъ указываетъ на исторію крещенія Христа, на посольство крестителя въ вопросѣ: „Онъ ли тотъ, которому надлежало придти“, на бесѣды Христа съ учениками и окружающими по вопросу о Мессіи, на торжественный входъ Его въ Іерусалимъ. На послѣдній фактъ Гарнакъ смотритъ, какъ на самое очевидное мессіанское дѣйствіе Иисуса. Но „это дѣйствіе Иисуса было и послѣднимъ, прибавляетъ онъ—терновый вѣнецъ и крестъ послѣдовали за тѣмъ“.—Въ существѣ дѣла Гарнакъ этимъ и ограничиваетъ свои объясненія касательно мессіанскаго достоинства І. Христа. Но они совершенно недостаточны. Намъ вовсе не интересно знать: выдавалъ ли себя І. Христосъ за Мессію? Ни одинъ Онъ такъ дѣлалъ; у Іудеевъ появлялось не мало самозванныхъ мессій. Намъ нужно знать: долженъ ли былъ І. Христосъ принять на себя званіе Мессіи, т. е. имѣлъ ли Онъ на это право? Былъ ли Онъ дѣйствительнымъ Мессіею? Да и вообще, долженъ ли былъ явиться Мессія или же самое представленіе о Мессіи было лишь болѣзненной мечтой разочарованнаго и многострадальнаго народа іудейскаго? Гарнакъ не даетъ отвѣта на подоб-

ные вопросы, а съ этимъ вмѣстѣ не устраняетъ подозрѣнія, что Иисусъ былъ лишь наиболѣе счастливый въ ряду другихъ іудейскихъ лжемессій.

О смерти и воскресеніи І. Христа Гарнакъ ничего не говоритъ. Вѣроятно потому, что то и другое не укладывается въ рамки его теорій. Разумѣется, онъ не сомнѣвается въ событіи смерти Христа, но обстоятельства, при какихъ она, по описанію евангелія, произошла, какъ можно думать, остаются непонятными, а потому излишними съ точки зрѣнія нѣмецкаго изслѣдователя.

Нельзя не обратить вниманія на то, что, ведя разсужденія о лицѣ Господа Иисуса, онъ самъ нигдѣ не называетъ его— ни Сыномъ Божиимъ, ни Богочеловѣкомъ, ни Господомъ, ни Спасителемъ, ни Искупителемъ. Почему?...

Книга Гарнака носитъ громкое заглавіе: „Сущность христіанства“, но ознакомляясь съ содержаніемъ книги, мы остаемся въ полномъ недоумѣніи: въ чемъ полагаетъ названный церковный историкъ сущность этого величайшаго всемірно-историческаго факта?

Какія измѣненія получило Христіанство во времена апостольскія и какой видъ оно имѣло тогда — вотъ вопросы, къ которымъ затѣмъ обращается Гарнакъ въ своей книгѣ.

Изъ тѣснаго кружка учениковъ, изъ тѣхъ 12-ти, которыхъ собралъ Иисусъ вокругъ себя, говоритъ онъ, образовалась церковь (Gemeinde). Самъ Онъ не учреждалъ церкви въ смыслѣ организованнаго богослужебнаго союза. Онъ былъ только учителемъ, а апостолы были Его учениками. Но тѣмъ не менѣе тотъ фактъ, что кружокъ Его учениковъ такъ скоро превратился въ церковь, имѣлъ большія послѣдствія въ исторіи. Въ чемъ состоитъ характеристика этого новаго союза? Въ нее входятъ три элемента: 1) признаніе, или ученіе, что Иисусъ есть живой Господь (т. е., Гарнакъ хочетъ сказать этими словами, что Онъ умеръ за насъ и воскресъ, но почему онъ выражается такъ туманно, это уяснится сейчасъ), 2) увѣренность, что каждый членъ новой общины, не исключая рабовъ и служанокъ, дѣйствительно живетъ религіей и что онъ поставленъ въ живой союзъ съ Богомъ, 3) святая жизнь въ чистотѣ и въ братствѣ.

Затѣмъ Гарнакъ обращается къ разъясненію cadaго изъ этихъ, какъ онъ ихъ называетъ, элементовъ.

Иисусъ Христосъ—Господь—что это значитъ? Въ этомъ исповѣданіи ближайшимъ образомъ выражается мысль, что Онъ есть учитель—законоположникъ, что Его слово должно оставаться нормой жизни для Его учениковъ, что они должны соблюдать все, что „Онъ повелѣлъ имъ“. Но этимъ еще понятіе „Господь“, не изчерпывается, его главный характеръ еще не достаточно опредѣляется. Первенствующая церковь называла Иисуса своимъ Господомъ, потому что Онъ принесъ Себя въ жертву за нея и потому что она была убѣждена въ томъ, что Онъ воскресъ и сидитъ одесную Бога. Не ап. Павелъ впервые выдвинулъ на первый планъ ученіе о значеніи смерти Иисуса и Его воскресеніи, нѣтъ, онъ нашелъ это уже существующимъ въ первенствующей церкви, когда онъ говоритъ въ посланіи къ коринтянамъ: „я вамъ передалъ, что я принялъ (чрезъ преданіе), что Христосъ умеръ за наши грѣхи и что Онъ въ третій день воскресъ“. Нужно впрочемъ сказать, замѣчаетъ Гарнакъ, что у ап. Павла смерть и воскресеніе Христа стали предметомъ его особливаго созерцанія (спекуляціи) и все евангеліе у него такъ сказать разрѣшилось въ это ученіе, но нѣтъ сомнѣній, что и ранѣе его для первохристіанской общины эти предметы представлялись основоположительными въ христіанствѣ. Можно даже утверждать, что установившееся затѣмъ почитаніе Иисуса Христа здѣсь, въ этомъ ученіи, приобрѣло опору для себя. На основаніи этихъ двухъ положеній создалась вся послѣдующая христология (т. е. догматическое ученіе о Христѣ). Но уже и въ теченіе первыхъ двухъ поколѣній христіанской исторіи относительно І. Христа было высказано все, что вообще можно сказать возвышеннаго о человѣкѣ (замѣтьте: о человѣкѣ). Уже и тогда считали Его за ожившаго, прославляли Его, какъ возсѣдшаго одесную Бога, какъ побѣдителя смерти, какъ владыку жизни, какъ силу, дающую новое бытіе, какъ Истину и Жизнь. Мессіанскія представленія позволяли помѣщать Его на престолѣ самого Бога, не оскорбляя монотеизма. Гдѣ вы найдете въ исторіи человѣчества что-либо подобное — справедливо восклицаетъ нѣмецкій ученый,—именно, чтобы тѣ, кто ѣли и пили съ своимъ учителемъ, и видѣли Его

на всѣхъ путяхъ человѣческой Его жизни, чтобы эти самые люди не только объявили Его великимъ пророкомъ и носителемъ божественнаго откровенія, но и божественнымъ вождемъ исторіи, принципомъ или началомъ новаго творенія и новой жизни! Это поистинѣ изумительно, прибавляетъ Гарнакъ, что не смотря на то, что Иисусъ понесъ страданія и смерть, на Него стали взирать, какъ на обѣщаннаго Мессію, въ своихъ чувствахъ къ Нему относились къ Нему, какъ къ Господу и Спасителю.

Для многихъ, заявляетъ Гарнакъ, въ настоящее время эти два положенія, т. е. что Иисусъ Христосъ умеръ за грѣхи людей и воскресъ, остаются совершенно чуждыми, и многіе относятся къ нимъ холодно,—къ смерти Христа, потому что не могутъ представить себѣ, чтобы смерть человѣка могла имѣть такое неизмѣримое значеніе, а къ Его воскресенію, потому что, по ихъ сознанию, здѣсь допускается нѣчто невѣроятное. Не наша задача, говоритъ нѣмецкій ученый, защищать сужденіе о значеніи смерти Христа и представленіе о Его воскресеніи (мы дальше увидимъ, что ни въ то, ни въ другое онъ не вѣритъ), а обязанность историка заключается въ томъ, чтобы изучить оба факта полно и тѣмъ дать почувствовать ихъ значеніе, какое они имѣли и еще теперь имѣютъ.

Разсмотримъ прежде то представленіе, говоритъ Гарнакъ, что крестная смерть Иисуса была жертвою за людей и ихъ грѣхи. А для этого первѣе всего напомнимъ объ обще-религіозномъ историческомъ фактѣ слѣдующаго рода: тѣ, которые смотрѣли на эту смерть, какъ на жертву, вскорѣ прекратили приносить Богу какія бы то ни было кровавыя жертвы. То правда, что значеніе кровавыхъ жертвъ уже нѣсколько поколѣній раньше поставлено было подъ сомнѣніемъ и разсматривалось, какъ признакъ отсталости; но только теперь онѣ совершенно исчезли. Не тотчасъ они исчезли и не сразу, но во всякомъ случаѣ въ очень короткій срокъ и именно раньше разрушенія Іерусалима (Титомъ). Далѣе: куда потомъ не проникала проповѣдь христіанства, тамъ жертвенныя алтари запусѣвали, а жертвенныя животныя не находили себѣ болѣе покупателей. Смерть Христа (въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія) положила конецъ кровавымъ жертвамъ въ религіозной исторіи. Глубо-

кая религіозная мысль лежала въ основѣ этихъ жертвъ; объ этомъ не должно судить, становясь на точку зрѣнія холодныхъ и слѣпыхъ рационалистовъ. Но съ другой стороны дѣло ясное, что это самое стремленіе, которое выражалось въ жертвахъ, нашло себѣ удовлетвореніе въ смерти Христа и свой конецъ. Эта смерть имѣла значеніе жертвенной смерти, иначе она не обладала-бы могуществомъ внѣдриться въ тотъ внутренній міръ, изъ котораго возникли кровавыя жертвы; притомъ это ни была жертвенная смерть, какъ другія подобныя же, иначе она не послужила-бы концомъ для нихъ: она уничтожила ихъ, потому что она заключила ихъ. Можно сказать даже болѣе: значимость вообще вещественныхъ жертвъ смертію Христа упразднена. Тамъ, гдѣ отдѣльные христіане или цѣлыя церкви снова допускаютъ себѣ приносить таковыя вещественныя жертвы, тамъ уже есть регрессъ. Древнее христіанство хорошо сознавало, что приношеніе какихъ бы то ни было жертвъ уничтожено, и если у него спрашивали, да почему такъ, въ отвѣтъ это самое христіанство указывало на смерть Христа.

Продолжая раскрытіе мысли о значеніи вѣрованія, что смерть Христа есть жертва за грѣхи рода человѣческаго, Гарнакъ далѣе рассуждаетъ такъ: никакія рациональныя обоснованія не въ силахъ изгладить изъ нравственнаго кругозора человѣчества того убѣжденія, что неправда и грѣхъ требуютъ возмездія, и что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда праведникъ страдаетъ (какъ страдалъ и Христосъ), совершается актъ очищающаго искупленія. Это убѣжденіе неистребимо. Если къ сказанному прибавимъ, замѣчаетъ Гарнакъ же, что Иисусъ Самъ называлъ свою смерть служеніемъ, которое Онъ совершаетъ за многихъ, и что Онъ чрезъ особенное торжественное дѣйствіе установилъ хранить о ней (смерти) постоянное воспоминаніе (рѣчь идетъ, конечно, объ установленіи Евхаристіи на тайной вечери, въ чемъ скептикъ—ученый не сомнѣвается, какъ онъ объ этомъ прямо и заявляетъ въ данномъ случаѣ), то мы поймемъ — дѣлаетъ заключеніе онъ, — какимъ образомъ эта смерть, этотъ позоръ креста, занялъ центральное мѣсто въ христіанствѣ.

Вотъ тѣ разъясненія, какія предлагаетъ нѣмецкій церковный историкъ, по вопросу о значеніи смерти Христа, умилостивительной жертвы за грѣхи человѣчества, какъ

понималось это вѣрованіе во дни апостоловъ и въ послѣдствіи. Мы привели почти детально мысли его. Нѣтъ слова, онѣ интересны и любопытны. Но мы должны сознаться, что не того мы ожидали отъ ученаго профессора. Въ самомъ дѣлѣ. любопытнѣе всего вопросъ: какимъ образомъ возникло въ церкви ученіе о смерти Христа, какъ жертвѣ за все чело-вѣчество—но этотъ существенный вопросъ оставленъ Гарнакомъ почти безъ всякаго разъясненія? Почему смерть Христа такъ выдвинулась впередъ въ сознаніи первохристіанъ и стала кардинальнымъ пунктомъ въ ихъ вѣрованіи, не смотря на то, что эта смерть превращала въ прахъ ихъ надежды на славное царствованіе Мессіи? Намъ желательно было бы знать, какъ слѣдуетъ смотрѣть: было ли вѣрованіе въ искупительную заслугу Христа истинной или заблужденіемъ въ міросозерцаніи первыхъ христіанъ и апостоловъ? Гарнакъ прозрачными намѣками даетъ разумѣть, что вѣрованіе это плодъ мечты, хотя эта мечта создана и не самими первохристіанами... Но если такъ, то почему эта мечта имѣла такія важныя послѣдствія въ исторіи, а эти послѣдствія указываетъ и самъ Гарнакъ. Безъ сомнѣнія, многое разъяснилось бы, если бы онъ умышленно и насильственно не заставлялъ молчать евангелистовъ и апостоловъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вынужденное молчаніе ихъ клонится къ выгодѣ его церковно-историческихъ теорій.

Но мы еще не окончили разсмотрѣнія перваго элемента, характеризующаго по Гарнаку, апостольскія времена христіанства.

Гарнакъ говоритъ: Христосъ не потому только сдѣлался предметомъ христіанской проповѣди, что Онъ умеръ за грѣшниковъ, но и потому, что Онъ воскресъ, ожилъ. Если понимать подъ этимъ воскресеніемъ лишь то, что умершее тѣло снова стало живымъ по плоти и крови, то такого рода преданіе не предоставляетъ чего-либо неожиданнаго. Но дѣло обстоитъ не такъ, заявляетъ нѣмецкій историкъ. Самъ Новый завѣтъ различаетъ съ одной стороны *благовѣстіе* (der Osterbotschaft) о пустомъ гробѣ (интересно: благовѣстіе о пустомъ гробѣ! хорошо же благовѣстіе о пустотѣ!) и явленіяхъ Іисуса, съ другой *вѣру въ воскресшаго* (Osterglauben). Хотя высшую цѣнность придавали вышеуказанному благовѣстію, однако вѣра въ воскресшаго возможна была и безъ зна-

комства съ благовѣстіемъ, о которомъ сейчасъ была рѣчь. Извѣстная исторія о Томѣ, говоритъ Гарнакъ, рассказываетъ въ евангеліи исключительно съ тою цѣлю, чтобы подчеркнуть, что можетъ существовать вѣра въ воскресшаго безъ благовѣстія о пустомъ гробѣ и явленіяхъ Иисуса. Ученики, шедшіе въ Эммаусъ, подверглись укоризнамъ за то, что у нихъ не было *вѣры въ воскресеніе* Иисуса, хотя до ихъ слуха еще и не дошло вышеуказаннаго рода *благовѣстія*. Не даромъ читаемъ слова: „блаженны не видѣвшіе, но вѣровавшіе“. Господь (т. е. Христосъ) есть духъ, говоритъ ап. Павелъ (2 Кор., 3, 17), и на этой истинѣ утверждалась его вѣра въ воскресеніе Иисуса. *Благовѣстіе* о воскресшемъ возвѣщаетъ о чудесномъ событіи въ саду Іосифа аримаѳейскаго, какого событія однакожь ничей глазъ не видѣлъ, о пустомъ гробѣ (опять этотъ пустой гробъ!), въ который вошли нѣсколько женщинъ и учениковъ Иисуса, о явленіяхъ Господа въ прославленномъ видѣ, настолько преобразившагося, что Его не тотчасъ узнавали Его же ученики, а потомъ (?) благовѣстіе начало возвѣщать о бесѣдахъ и дѣлахъ воскресшаго: извѣстія становились всѣ полнѣе и увѣреннѣе. Совсѣмъ иное представляетъ *вѣра въ воскресшаго*, — она есть убѣжденіе въ побѣдѣ распятаго надъ смертію, въ могуществѣ и правдѣ Божіей и въ продолжающейся жизни Того, Кто есть первородный въ средѣ многихъ братій (!). Для ап. Павла основаніемъ его *вѣры въ воскресшаго* служило то, что Онъ—второй Адамъ съ неба, а равно и то, что Богъ открылъ ему своего Сына, какъ живого, на пути въ Дамаскъ. Богъ открылъ Его „во мнѣ“ самомъ—говоритъ апостоль—но это внутреннее явленіе соединялось съ созерцаніемъ Его, т. е. Сына Божія. Знали ли апостоль Павелъ благовѣстіе о пустомъ гробѣ (опять!), предлагаетъ себѣ вопросъ нѣмецкій историкъ, и отвѣчаетъ: знаменитые теологи сомнѣваются въ этомъ, а я считаю это вѣроятнымъ, а впрочемъ полной увѣренности по вопросу невозможно приобрѣсти. Несомнѣнно только то, что Павелъ и ученики Иисуса рѣшительный вѣсъ придавали не тому, въ какомъ положеніи былъ найденъ гробъ, а явленіямъ Иисуса. Но кто изъ насъ станетъ утверждать, что на основаніи извѣстій ап. Павла (?) и евангелій можно составить себѣ ясное представленіе объ этихъ явленіяхъ; а если этого сдѣлать невозможно, и если

преданіе объ этихъ происшествіяхъ не можетъ быть точно достовѣрнымъ, то какимъ образомъ хотять утверждать на нихъ вѣру въ воскресшаго? Или мы должны рѣшиться утверждать свою вѣру на чемъ-то колеблющемся, на томъ, что опять и опять можетъ возбуждать новыя сомнѣнія, или же нужно пожертвовать этимъ основаніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ внѣшняго, чувственнаго чуда. Въ представленіяхъ *вѣры* коренится истина и дѣйствительность, поучаетъ Гарнакъ. А что касается *благовѣстія* о гробѣ и явленіяхъ, то за твердое можно принимать лишь слѣдующее: отъ этого гроба получила свое начало нерушимая вѣра въ побѣду надъ смертію и вѣра въ вѣчную жизнь. (Неужели и только, спросимъ мы?). Пусть не указываютъ намъ на Платона, на персидскую религію, на предхристіанскія идеи и сочиненія іудейскаго происхожденія (во всѣхъ которыхъ пояснимъ мы, раскрывалось ученіе о безсмертіи души). Все это прешло бы, осталось бы безъ дѣйствія, и въ самомъ дѣлѣ оказалось таковымъ. Увѣренность же въ воскресеніи мертвыхъ и нашей вѣчной жизни, находясь въ тѣсной связи съ гробомъ въ саду Іосифа, не исчезла, а убѣжденіе, что Іисусъ живъ (!), окрыляетъ еще и теперь надежды на обитаніе въ вѣчномъ градѣ, который только и сообщаетъ цѣнность этой земной жизни и побуждаетъ переносить ея невзгоды.

Вотъ какъ понимаетъ нѣмецкій ученый вѣру апостольскаго времени въ воскресеніе Господа Іисуса. Онъ очень не двусмысленно возвѣщаетъ, что факта воскресенія Христова не было, по крайней мѣрѣ ничѣмъ нельзя доказать, что такой фактъ совершился. Пустой гробъ, съ его точки зрѣнія, ничего не доказываетъ; но почему онъ оказался пустымъ, авторъ при встрѣчѣ съ этимъ вопросомъ краснорѣчиво молчитъ. О явленіяхъ Христа нельзя составить никакого яснаго понятія; самыя эти событія ставятся подъ большимъ сомнѣніемъ. Величайшее событіе воскресенія Христа разрѣшается у Гарнака въ вѣрованіе, усвоенное апостольскимъ вѣкомъ на сомнительныхъ основаніяхъ. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что это вѣрованіе, по мысли автора, есть плодъ пламеннаго желанія первохристіанъ, чтобы Христосъ сдѣлался побѣдителемъ смерти. Но если такъ, то какимъ образомъ изъ подобнаго вѣрованія могъ возникнуть

такой крупный историческій фактъ, какъ нерушимая вѣра въ безсмертіе души всего послѣдующаго культурнаго чело-вѣчества? А на этомъ крѣпко настаиваетъ Гарнакъ. Но вѣдь, объемъ заключенія является при указанныхъ обстоятель-ствахъ больше своей посылки.

Двумя другими элементами, какъ выражается этотъ уче-ный, характеризующими апостольскій вѣкъ, представляются: жизнь всей общины религіей и для религіи и — святость жизни и братская любовь первенствующихъ христіанъ. Гар-накъ говоритъ объ этихъ „элементахъ“ очень кратко; а мы можемъ и совсѣмъ оставить безъ вниманія разъясненія его въ данномъ случаѣ, потому что они не представляютъ со-бою ничего любопытнаго и оригинальнаго.

Говорить о апостольскомъ вѣкѣ и не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на замѣчательнѣйшей личности этой эпохи—апостолѣ Павлѣ—невозможно. Естественно по-этому, что Гарнакъ принимаетъ на себя задачу раскрыть историческое значеніе названнаго апостола. Онъ необычайно называетъ Павла „всемирноисторической величиной“. Въ чемъ же заслуга Павла предъ христіанствомъ и исторіею? Павелъ—это самая свѣтлая личность изъ исторіи первохри-стіанства, говоритъ Гарнакъ. Но сужденія о его значеніи далеко расходятся между собою. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ существовалъ одинъ выдающійся протестантскій те-ологъ, утверждавшій, что Павелъ, благодаря своей равни-нстической теологіи, сдѣлался извратителемъ христіанской религіи. Другіе наоборотъ считали его собственнымъ учре-дителемъ этой религіи. Однакожъ большинство тѣхъ уче-ныхъ, которые пристальнѣе изучали его, доказывали, что онъ былъ лицомъ, вполне понявшимъ Учителя, т. е. Хри-ста, и что онъ продолжилъ дѣло послѣдняго. Это сужденіе, замѣчаетъ Гарнакъ, ближе всего къ истинѣ. Тѣ ученые, ко-торые порицали его, какъ извратителя, не могли постигнуть духъ этого мужа и видѣли въ немъ только одежду и его школьную ученость. А тѣ, кто возносили его, какъ учреди-теля христіанской религіи, должны были идеалы, которыми жилъ онъ, считать за иллюзію и самообманъ. Оцѣнивая дѣ-ятельность Павла, Гарнакъ говоритъ, что онъ одинъ сдѣ-лалъ больше, чѣмъ всѣ прочіе апостолы. Это Павелъ высво-бодилъ христіанскую религію отъ стѣснительныхъ связей

съ іудействомъ. 1. Это Павелъ опредѣленно уяснилъ, что евангеліе есть благовѣстіе о совершившемся искупленіи и уже наступившемъ спасеніи. Онъ проповѣдовалъ распятаго и воскресшаго Христа, который открылъ намъ доступъ къ Богу и съ этимъ принесъ правду и миръ. 2. Павелъ съ точностію уяснилъ, что Евангеліе должно все преобразовать по новому и уничтожить религію подзаконную. 3. Онъ понималъ, что новая религія принадлежитъ рѣшительно всѣмъ и въ этомъ сознаніи обратился съ своею проповѣдію ко всѣмъ язычникамъ, отъ іудейства онъ перешагнулъ на греко-римскую почву. Онъ возвѣстилъ, что Греки и Іудеи должны объединиться на почвѣ евангелія, мало того: указалъ, что время іудаизма окончательно миновало. 4. Будучи природнымъ іудеемъ и по воспитанію даже фарисеемъ, Павелъ работалъ для истинъ новаго евангелія языкъ, понятный не только для Грековъ, но и для всѣхъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поставилъ евангеліе въ связь со всѣмъ тѣмъ духовнымъ капиталомъ, который собранъ былъ человѣчествомъ въ исторіи.

Съ особеннымъ одушевленіемъ Гарнакъ говоритъ объ универсализмѣ христіанской религіи, универсализмѣ, изъясненномъ именно въ ученіи Павла.

Сколько нужно имѣть ума, проникательности и мощи—взываетъ нѣмецкій ученый, чтобы оторвать новую религію отъ ея родной почвы и пересадить ее на совершенно новую. Исламъ, возникшій въ Аравіи, остался аравійской религіей, куда бы онъ не перешолъ. Буддизмъ во всѣ времена былъ силенъ лишь въ Индіи. А эта, т. е. христіанская, религія, рожденная въ Палестинѣ и насажденная ея Основателемъ на почвѣ іудейской, уже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, отторгается отъ своей родной почвы. Павелъ противопоставилъ ее религіи израильской, возвѣстивъ: „Христосъ есть конецъ закона“. Она не только легко перенесла эту пересадку, но все показывало, что она и создана для этой пересадки. Она сдѣлалась опорой и поддержкой для римской имперіи и для всей западной культуры. Если бы кто-нибудь въ первомъ столѣтіи, какъ справедливо говоритъ Ренанъ, сказалъ императору, что нѣкій маленькій іудей, который изъ Антиохіи началъ свое миссіонерское путешествіе, сдѣлается самымъ лучшимъ его сотрудникомъ,

и что онъ утвердить царство на прочныхъ основаніяхъ, то такого вѣстника сочли бы безумнымъ, и однакожь онъ сказалъ бы правду. Павелъ привнесъ въ римское государство новыя силы и обосновалъ западно (?)—христіанскую культуру. Дѣло Александра великаго разрушилось, а дѣло Павла осталось. Восхвалимъ же этого мужа, говоритъ Гарнакъ, который, не будучи непосредственнымъ ученикомъ Христа, въ силу собственнаго духа смѣло пошелъ противъ буквализма; но съ не меньшимъ уваженіемъ отнесемъ и къ тѣмъ личнымъ ученикамъ Иисуса, которые послѣ тяжкой внутренней борьбы наконецъ усвоили себѣ принципъ и воззрѣнія Павла. Конечно это дѣло не малое, что тѣ самые апостолы, въ ушахъ которыхъ еще звучала проповѣдь ихъ Учителя (Иисуса) и въ памяти которыхъ еще жили конкретныя черты Его образа, что эти вѣрные Его ученики приняли ученіе Павла, которое, казалось, во многихъ случаяхъ уклонялось отъ первоначальной проповѣди и которое провозглашало низверженіе религіи Израиля. Здѣсь еще разъ съ непрерываемою ясностію и притомъ въ очень короткій періодъ времени, сама исторія показала, что было зерномъ и что было шелухой. Шелухой была вся іудейская условность проповѣди Иисуса; шелухой были Его столь опредѣленно выраженные слова: „Я посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева“ (Мѣ., 15, 24). Въ силу духа Христова, ученики Его переступили эту границу. Итакъ, личные ученики Христа, а не второе или третье поколѣніе, когда непосредственное воспоминаніе о Господѣ уже поблекло, совершили великое дѣло. Это есть замѣчательнѣйшій фактъ апостольскаго времени, замѣчаетъ Гарнакъ.

Такъ судить Гарнакъ о Павлѣ и значеніи его въ исторіи первохристіанства. Нѣтъ сомнѣнія нѣкоторыя мысли его въ этомъ случаѣ замѣчательны; наприм. его сужденія о необъятно-великомъ культурномъ значеніи проповѣди Павловой заслуживаютъ полной похвалы. Нѣкоторыя слова, сказанныя имъ по этому поводу, можно назвать золотыми словами. Но нельзя не замѣчать, что въ разсужденіяхъ нѣмецкаго историка есть довольно и „шелухи“. Этотъ историкъ не обинуясь утверждаетъ, что Павелъ во многомъ исправилъ и расширилъ первоначальную проповѣдь Христа, по его выраженію отдѣливъ въ этой проповѣди „зерно отъ шелухи“.

Но въ такомъ случаѣ выходитъ, что Павелъ долженъ быть поставленъ выше І. Христа. Мысль странная, чтобы не сказать болѣе! Гарнакъ поступаетъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ отнюдь не вправѣ поступать историкъ. Онъ утверждаетъ, что будто І. Христосъ не имѣлъ въ виду распространеніе Его проповѣди за предѣлами іудейскаго народа. Но вѣдь, это не правда. Христосъ, какъ ясно значитъ въ евангеліи, прямо говорилъ своимъ ученикамъ: „идите [по всему міру и проповѣдуйте евангеліе всей твари“ (Мр. 16, 15), т. е. значитъ всѣмъ язычникамъ. И находятся эти слова не въ Евангеліи Іоанна, къ которому Гарнакъ не благоволитъ, а у Марка, котораго этотъ историкъ считаетъ однимъ изъ главныхъ свидѣтелей дѣлъ и ученія Христа. Вотъ куда ведетъ Гарнака ультра-протестантская его тенденціозность.— Нѣтъ основаній соглашаться съ нимъ и въ томъ, что будто бы всѣ апостолы, ученики Христовы шли на помочахъ у Павла, этого не—ученика Христова между апостолами. Вопросъ о проповѣданіи христіанства и среди язычниковъ рѣшонъ былъ апостолами въ благопріятномъ смыслѣ раньше, чѣмъ Павелъ принялъ христіанство. Если же между Павломъ и прочими апостолами происходили споры объ обращеніи язычниковъ, то при этомъ затрогивался совсѣмъ другой вопросъ. Конечно, все это прекрасно знаетъ Гарнакъ, но... нужно же чѣмъ нибудь отличиться.

Докончимъ изложеніе мнѣній Гарнака касательно апостольскаго вѣка.

Павель, говоритъ этотъ ученый, превратилъ евангеліе въ универсальную религію и положилъ основаніе великой (т. е. вселенской) церкви, но при этомъ онъ не повредилъ основныхъ внутреннихъ чертъ евангелія, какъ-то: безусловнаго довѣрія къ Богу, какъ Отцу Иисусу Христа, преданности Господу, (т. е. Христу), вѣры въ оставленіе грѣховъ, увѣренности въ вѣчной жизни, чистоты и братства. Но по мѣрѣ того, какъ исчезало первоначальное ограниченіе (т. е. партикуляризмъ іудейскихъ воззрѣній), его мѣсто заняли другія ограниченія, которыя модифицировали простоту и мощь внутренняго движенія. Къ указанію этого-то рода перемѣнъ затѣмъ и обращается Гарнакъ.

1. Разрывъ съ синагогой и основаніе самостоятельной религіозной общины, церкви, имѣли весьма важныя послѣд-

ствія. Самъ Христосъ не указалъ никакихъ формъ, которыя должно было бы принять новое общество. Онъ не обращалъ вниманія на внѣшнее, но устремлялъ его на главное и существенное. А потому разрывъ церкви съ синагогой вызвалъ вопросъ объ устройствѣ христіанскаго общества; это послѣднее не могло оставаться безтѣлеснымъ. Нужны были формы и для общественнаго богослуженія. Церкви, образовавшіяся изъ язычниковъ, шли впереди другихъ, онѣ создали организмъ, тѣло церкви. И вотъ рядомъ съ внутренней стороной религіи появилась внѣшняя; образовались церковное право, дисциплина, порядки богослужебные и вѣроучительные. Главная опасность здѣсь заключалась въ томъ, что вещь и дѣло служебныя постепенно затѣняютъ тотъ объектъ, которому онѣ служатъ, причемъ „незамѣтно достоинство этого объекта онѣ переносятъ на себя самихъ“. Гарнакъ не утверждаетъ, чтобы такъ было уже и во времена апостольскія, но во всякомъ случаѣ онъ не далекъ отъ такой мысли. Вотъ первое возникшее ограниченіе первоначальной простоты христіанской религіи.

2. Мы замѣчали выше, говорить Гарнакъ, что значеніе Павла, какъ учителя, выражается прежде всего въ его христологіи. Разъяснивъ ученіе о крестной смерти Христа и Его воскресеніи и провозгласивъ истину, что „Господь есть духъ“, онъ тѣмъ самымъ указывалъ, что искупленіе уже совершилось и спасеніе началось. Такимъ образомъ въ ученіи Павла искупленіе неразрывно связывалось съ Лицомъ и дѣломъ Христа. Но это грозило опасностію для простоты христіанской религіи. Естественно возникало желаніе какъ-можно точнѣе понимать это Лице и это дѣло, а съ тѣмъ вмѣстѣ вопросъ о правильности ученія о Христѣ и о томъ, что Имъ совершено, грозило сдѣлаться средоточнымъ пунктомъ религіи и извратить величіе и прямоту евангелія. При такомъ пониманіи, какое далъ религіозному ученію Павелъ, указанная опасность могла возникнуть и возникла. И вотъ подъ влияніемъ этого-то ученія впоследствии стали разсуждать, какъ о вопросѣ наиважнѣйшемъ, о томъ, какъ создать(?) былъ Христосъ, какъ личность, (т. е., какъ Онъ рожденъ былъ въ вѣчности), какую природу Онъ имѣетъ (споры о природахъ во Христѣ) и т. д. Конечно, Павелъ еще далекъ былъ отъ этихъ вопросовъ, но тѣмъ не менѣе рядъ религі-

озныхъ понятій, выработанныхъ имъ, не могъ не вліять въ неблагопріятномъ смыслѣ.

Но при этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе еще вотъ что, пишетъ Гарнакъ. Павелъ, стоя на точкѣ зрѣнія мессіанской догматики и подъ вліяніемъ существовавшихъ впечатлѣній отъ Христа, основалъ спекуляцію, что не только Богъ пребывалъ во Христѣ, но что и самъ Христосъ обладаетъ небесною сущностію въ строгомъ смыслѣ слова. Находясь среди іудеевъ, это представленіе могло не выходить за рамки мессіанскихъ идей, но не то было у Грековъ; здѣсь оно могло породить совершенно новыя мысли въ христологіи, которыя должны были сопровождаться ущербомъ для первоевангелія, какъ и было вполслѣдствіи.

3. Новая церковь имѣла свящ. книгу, Ветхій завѣтъ. Хотя Павелъ и училъ, что ВЗ-ный законъ потерялъ значеніе, но онъ же нашелъ путь сохранить цѣликомъ Ветхій завѣтъ. Какое благословеніе эта книга принесла церкви! Какъ книга назиданія, утѣшенія, мудрости и совѣта, и какъ книга исторіи, она имѣла несравненное значеніе для жизни и апологетики. Какая изъ религій, встрѣченныхъ христіанствомъ на греко-римской почвѣ, можетъ похвалиться чѣмъ-либо подобнымъ? И однакожь обладаніе ею не во всѣхъ отношеніяхъ было полезно для церкви. Ибо во первыхъ, на многихъ страницахъ этой книги излагается другая религія и другая нравственность по сравненію съ христіанскими. Конечно чрезъ перетолкованіе можно было утончить и одухотворить все несогласное съ христіанствомъ, но первоначальный смыслъ такихъ мѣстъ невозможно было окончательно устранить. Возникла опасность и она дѣйствительно наступила, а состояла она въ томъ, что благодаря Ветхому завѣту низшей, устраненный было, элементъ снова вторгся въ христіанство: не говоря о частностяхъ, цѣль ветхаго завѣта была совсѣмъ другая, да и религія эта находилась въ тѣснѣйшей связи съ политическимъ бытіемъ іудейскаго народа. И если самъ Павелъ, въ томъ или другомъ случаѣ, признавалъ ветхозавѣтные законы имѣющими значеніе нормы для христіанъ, хотя и толковалъ въ аллегорическомъ смыслѣ, то кто могъ положить границы для его преемниковъ идти въ этомъ отношеніи еще дальше? Во вторыхъ, многія внѣшнія предписанія Ветхаго завѣта сами по себѣ нисколько не со-

блзнительныя, будучи заимствованы изъ этого завѣта, угрожали опасностію христіанской свободѣ вообще, и свободѣ развѣтія церковнаго устройства и богослужебныхъ и дисциплинарныхъ порядковъ.

Едва ли нужно дѣлать какія-либо замѣчанія по поводу разъясненія Гарнакомъ сейчасъ указанныхъ недостатковъ апостольскаго періода церкви. Всѣ эти недостатки получаются только съ условной научной точки зрѣнія нѣмецкаго историка. Наприм., онъ смотритъ на Христа, какъ на простаго человѣка, а потому онъ не сочувствуетъ тѣмъ возвышеннымъ опредѣленіямъ личности Христа, которыя встрѣчаются у Павла и въ которыхъ Господь описывается, какъ существо божескаго характера: онъ находитъ, что будтобы такія опредѣленія повреждали первоначальную простоту христіанства.—Или же: Гарнакъ утверждаетъ, что Ветхий завѣтъ оказывалъ вредное вліяніе на образованіе христіанской церкви и вину этого вліянія готовъ приписывать ап. Павлу. Но нѣтъ сомнѣнія, такія странныя мысли могутъ раждаться только у такого ученаго, какъ Гарнакъ, который прямо говоритъ, что во многихъ мѣстахъ Ветхаго завѣта раскрывается иная религія и иное нравоученіе, чѣмъ какое принадлежитъ существу христіанства. Съ подобными взглядами Гарнака, конечно, не согласится никто изъ числа вѣрныхъ послѣдователей христіанской религіи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Лебедевъ.
